

Нет автора

**Отчет о 10-м присуждении наград графа
Уварова**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о 10-м присуждении наград графа Уварова / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 87 с.

ISBN 978-5-4241-8479-6

ISBN 978-5-4241-8479-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ

О ДЕСЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ, 25-го сентября 1867 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ.

Въ соисканіи Уваровскихъ наградъ, въ нынѣшнемъ году, участвовало четыре историческихъ сочиненія; изъ нихъ три доставлены авторами на этотъ конкурсъ, и одно было отложено отъ предъидущаго соисканія. Коммиссія, назначенная для разсмотрѣнія этихъ сочиненій и для постановленія о нихъ приговора, состояла, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ Академиковъ: Н. Г. Устрялова, И. И. Срезневскаго, А. В. Никитенко, Я. К. Грота, А. А. Куника, П. П. Пекарскаго и А. Θ. Бычкова.

Ознакомившись съ сочиненіями, подлежащими ея суду, Коммиссія назначила для трехъ изъ нихъ рецензентовъ изъ своей среды, а четвертое препроводила члену Московскаго Археологическаго Общества А. А. Котляревскому съ просьбою принять на себя трудъ составить подробный разборъ онаго.

По полученіи всѣхъ рецензій и по обсужденіи сравнительнаго достоинства состязавшихся сочиненій, Коммиссія, въ засѣданіи 9-го сентября, положила *два изъ нихъ удостоить меньшихъ наградъ* (въ 500 руб. каждая).

Увар. отч.

I.

«*Феофанъ Прокоповичъ и его время*». Сочиненіе Ил. Ал. Чистовича, профессора С.-Петербургской Духовной Академіи (Рукопись).

Это сочиненіе, посвященное жизнеописанію одного изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ Петровской реформы и изображенію одной изъ любопытнѣйшихъ эпохъ русской исторіи, уже являлось на судъ Академіи въ числѣ трудовъ, участвовавшихъ въ XXXIV-мъ и послѣднемъ соисканіи Демидовскихъ наградъ, и было въ то время удостоено половинной преміи. Представляя отчетъ объ этомъ присужденіи, мы, основываясь на составленной Акад. Пекарскимъ рецензіи, изложили содержаніе сочиненія г. Чистовича и указали на достоинства этого труда и на нѣкоторыя слабости его стороны. При настоящемъ соисканіи не было бы повода подвергать сочиненіе г. Чистовича вторичному разсмотрѣнію, если бы оно не явилось на Уваровскій конкурсъ значительно дополненнымъ и исправленнымъ противъ первоначальной редакціи. Имѣя въ виду эти измѣненія, Коммиссія сочла необходимымъ поручить Акад. Пекарскому вторично разсмотрѣть трудъ г. Чистовича. Въ представленной вслѣдствіе того рецензіи, г. Пекарскій свидѣтельствуетъ, что авторъ въ значительной степени усовершенствовалъ свой трудъ, обогативъ его новыми данными и приложивъ особое стараніе къ обработкѣ бывшихъ въ его распоряженіи матеріаловъ. Такъ, въ концѣ вступленія къ своему труду, авторъ присовокупилъ указаніе на источники, которыми онъ пользовался, и означеніе мѣстъ, гдѣ они хранятся. Главу о дѣтствѣ, молодости, и въ особенности о профессорствѣ Феофана въ Кіевѣ авторъ значительно распространилъ. Въ рассказъ о событіяхъ 1729 года онъ включилъ интересное дѣло, возникшее по Тайной Канцеляріи о смутахъ въ Бѣлорусской епархіи послѣ кончины тамошняго епископа Сильвестра, князя Четвертинскаго. Много подробностей прибавлено и въ другихъ частяхъ повѣствованія, какъ наприм. относительно полемики, возник-

шей по поводу сочиненія Стефана Яворскаго «Камень Вѣры», розыска надъ архимандритами Евфиміемъ Коллетти и Платономъ Малиновскимъ и проч. Особеннаго вниманія заслуживаютъ цѣлыя новыя главы, которыми авторъ распространилъ свой трудъ. Одна изъ нихъ посвящена обзору церковно-административной и ученой дѣятельности Теофана; въ ней между прочимъ сообщается любопытная переписка его съ Малардомъ, Англійскимъ пасторомъ, присоединившимся къ православію, и помѣщены выдержки изъ пѣтическихъ произведеній Новгородскаго архіепископа. Въ главѣ: «Теофанъ и Академія Наукъ», также новой, г. Чистовичъ подробно излагаетъ отношенія архіепископа къ ученому обществу и приводитъ отзывы о Теофанѣ иностранныхъ писателей.

Всѣ эти дополненія увеличиваютъ цѣну труда г. Чистовича; при изданіи же своей рукописи, авторъ, конечно, не откажется возможности устранить тѣ недостатки, которые указаны въ ней рецензентомъ. Во всякомъ же случаѣ, трудъ г. Чистовича заслуживаетъ автору благодарность всѣхъ занимающихся исторіею русской Церкви и вообще изслѣдователей исторіи Россіи въ прошедшемъ столѣтіи.

II.

Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. Сочиненіе А. Аванасьева. Томъ I. Москва 1866 г.

Мифическія вѣрованія и представленія народа составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для изученія его прошлаго и для разясненія многихъ сторонъ его быта, языка и понятій. Они выражаютъ собою не только идеальныя, поэтическія черты жизни народа, стремленія его фантазіи, его взглядъ на природу и ея явленія, но также и его разумѣніе дѣйствительной жизни и житейской практики, степень его культуры. Между тѣмъ, хотя мѣонологія уже съ давнихъ поръ составляла одну изъ главныхъ частей науки о древностяхъ, однако она ограничивалась перечисле-

ніемъ именъ божествъ, къ которымъ прикладывались готовые нравственныя или физическія толкованія, безъ малѣйшей заботы о томъ, что образовавшіеся такимъ путемъ безжизненные образы иной разъ противорѣчатъ исторической правдѣ и духу народа. Только въ недавнее время миѳическія вѣрованія и представленія сдѣлались предметомъ серіознаго изученія, а именно съ тѣхъ поръ, какъ Я. Гриммъ приложилъ къ этой области изслѣдованія методъ сравнительнаго языкознанія. Ученики и послѣдователи знаменитаго лингвиста распространили его приемы на многіе частныя и общіе вопросы; ставъ однажды на добрую почву, наука сравнительной миѳологіи быстрыми шагами двинулась впередъ, разъясняя миѳическую старину какъ цѣлыхъ племенъ, такъ и отдѣльныхъ народовъ. Что касается до русской литературы, то въ ней до сихъ поръ не было систематическаго труда по сравнительной славянской миѳологіи: одни изъ нашихъ изслѣдователей добросовѣстно собирали свидѣтельства и преданія старины, не вдаваясь въ сравнительныя сближенія; другіе примѣняли сравнительный методъ къ рѣшенію только частныхъ вопросовъ. Существовавшій въ этомъ отношеніи пробѣлъ въ значительной степени пополняетъ г. Аѳанасьевъ своимъ сочиненіемъ, которое составляетъ плодъ его семнадцатилѣтнихъ изысканій въ области славянскихъ древностей.

А. А. Котляревскій, который, по приглашенію Академіи, составилъ подробный разборъ этого сочиненія, въ началѣ своей рецензіи указываетъ на важность сравнительной миѳологіи вообще и за тѣмъ переходитъ къ обзору того, что было сдѣлано у насъ по этой части до г. Аѳанасьева. При этомъ рецензентъ исчисляетъ тѣ трудности, съ которыми автору приходилось бороться при исполненіи его задачи: въ большей части случаевъ ему предстояло готовить для себя матеріалъ и въ то же время обрабатывать его при помощи новыхъ приѣмовъ науки. Обращаясь къ самой книгѣ г. Аѳанасьева, рецензентъ прежде всего разбираетъ миѳіе автора о происхожденіи миѳическихъ представленій и о движеніи миѳа, причемъ находитъ, что убѣжденіе г. Аѳа-

насьева касательно перваго пункта почти согласно съ воззрѣніемъ Макса Мюллера. Однако къ этому убѣжденію онъ пришелъ не вслѣдствіе довѣрія къ славному санскритологу, а независимо отъ него, и даже прежде него. Впрочемъ, г. Аѳанасьевъ не-вполнѣ держится теоріи этого ученаго, по которой вся миѳологія есть только слѣдствіе «болѣзни языка». Не одобряя рѣзкихъ сторонъ этой теоріи, онъ тѣмъ не менѣе всѣ миѳическія представленія подчиняетъ историческому движенію языка: зерно, изъ котораго вырастаетъ миѳическое сказаніе, по мнѣнію г. Аѳанасьева, кроется въ первозданномъ словѣ, которое было не только богатымъ, но и единственнымъ источникомъ миѳическихъ представленій; пока оно сохраняло свое живое коренное значеніе, миѳовъ не существовало, а были лишь простыя, понятныя для народнаго ума, поэтическія метафоры. Миѳы начинаются съ того времени, какъ забывается коренное значеніе словъ и языкъ вступаетъ въ періодъ превращеній и порчи. Такова основная мысль г. Аѳанасьева о происхожденіи миѳическихъ представленій. Она не можетъ похвастаться ни вполнѣ вѣрною, ни опредѣлительною, и даже самъ авторъ, въ послѣдующихъ частяхъ своего изложенія, нерѣдко впадаетъ въ противорѣчіе съ нею. Переходя къ миѳу въ собственномъ смыслѣ слова, авторъ доказываетъ, что онъ является позднѣе, слагаясь изъ разнообразныхъ элементовъ, при чемъ вліяющими причинами бываютъ: раздробленіе миѳическихъ сказаній, низведеніе миѳовъ на землю и прикрѣпленіе ихъ къ извѣстной мѣстности и историческимъ событіямъ и наконецъ нравственное мотивированіе миѳическихъ сказаній. Соглашаясь, что все это—обстоятельства, весьма важныя въ историческомъ движеніи миѳа, рецензентъ тѣмъ не менѣе находитъ, что процессъ образованія миѳа все-таки недостаточно объясненъ авторомъ, оставившимъ безъ вниманія нѣкоторыя другія причины этого образованія. За очеркомъ историческаго движенія миѳовъ слѣдуетъ разсмотрѣніе источниковъ, изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія о миѳическихъ вѣрованіяхъ народа, а именно языка, письменныхъ источниковъ и различныхъ памят-

никовъ народной словесности: загадокъ, примѣтъ, заговоровъ, сказокъ и легендъ. По отзыву рецензента, эта часть труда г. Аванасьева, въ которой главными руководителями служили ему Пикте и Максъ Мюллеръ, значительно слабѣе прочихъ частей его сочиненія, хотя и здѣсь встрѣчаются многія сужденія, обнаруживающія въ авторѣ вѣрное пониманіе предмета и близкое знакомство съ основными приемами науки. Остальныя главы книги г. Аванасьева посвящены перечисленію и объясненію поэтическихъ образовъ, созданныхъ народною фантазіею при взглядѣ на жизнь и природу. Предметъ этихъ главъ составляютъ не только поэтическія воззрѣнія славянъ, но и ихъ религіозныя вѣрованія; послѣдними авторъ занимается по крайней мѣрѣ настолько, насколько они вытекаютъ изъ древняго воззрѣнія на явленія природы и имѣютъ отношеніе къ нему. Открыть утратившійся смыслъ этихъ воззрѣній и вѣрованій, объяснить ихъ происхожденіе и постепенныя измѣненія, авторъ могъ лишь при помощи сравненія ихъ съ мифическими сказаніями другихъ родственныхъ племенъ. Избравъ этотъ вѣрный путь, г. Аванасьевъ прошелъ его, по крайней мѣрѣ для главной части своей задачи, съ полнымъ успѣхомъ. Что же касается до изложенія фактовъ, то авторъ держался, по мнѣнію рецензента, самаго удобнаго способа—группированія по предметамъ, заботясь при этомъ не столько о строгомъ ихъ разграниченіи, сколько о томъ, чтобы однажды объясненное, по возможности, не повторялось въ послѣдующемъ изложеніи. Такимъ образомъ 2-я глава имѣетъ характеръ общаго обзоренія; въ ней авторъ съ поэтическимъ воодушевленіемъ говоритъ объ отношеніяхъ древняго человѣка къ природѣ, обуславливавшихъ какъ ея обоготвореніе, такъ и олицетвореніе ея явленій и силъ. Съ третьей главы собственно начинается изслѣдованіе частныхъ мифическихъ представленій и образовъ, продолжающееся до конца перваго тома и долженствующее перейти въ будущій второй томъ сочиненія. Обширность и разнообразіе разсмотрѣнныхъ здѣсь предметовъ, по свидѣтельству рецензента, представляли автору немалое затрудненій, такъ что онъ не вездѣ соблюлъ строгою послѣ-

довательность въ изложеніи и иногда вдавался въ повторенія. Конечно, держась другаго порядка въ изложеніи, напр. словарнаго, г. Аѳанасьевъ облегчилъ бы для другихъ пользованіе его книгою; но тогда повторенія сдѣлались бы еще чаще, и сверхъ того, книга много утратила бы своего интереса при чтеніи—интереса, который такъ живо и неослабно поддерживаетъ авторъ, не смотря на мелкія подробности и на массу сообщаемыхъ имъ фактовъ. Кроме того, при другомъ способѣ изложенія, г. Аѳанасьевъ едва ли бы достигъ своей главной цѣли, едва ли бы съ ясностію могъ раскрыть происхожденіе и смыслъ каждаго мнѣческаго представленія, каждаго суевѣрнаго обыкновенія, какъ это имъ сдѣлано въ настоящемъ случаѣ. Мы назвали эту цѣль главной; но едва ли не справедливѣе было назвать ее единственною, такъ какъ историческая часть предмета оставлена авторомъ совершенно въ сторонѣ. Характеръ его труда только объяснительный; приемы, которые служатъ ему для раскрытія значенія мнѣческихъ воззрѣній, вытекаютъ не изъ личной его мысли, но изъ самыхъ фактовъ, которые онъ собираетъ не для подтвержденія какой либо предвзятой теоріи, но ради объясненія ихъ. Это не значитъ, чтобы объясненія г. Аѳанасьева не давали повода къ возраженіямъ; но они могутъ возникнуть не противъ основнаго его воззрѣнія, а только противъ примѣненія онаго къ частностямъ.

Сводя къ итогу свои замѣчанія о книгѣ г. Аѳанасьева, рецензентъ приписываетъ этому труду важное значеніе для русской ученой литературы. Въ отношеніи содержанія, сочиненіе представляетъ такой систематическій сводъ фактовъ по славянской и въ особенности русской мнѣологіи, какого мы еще не имѣли до сихъ поръ; заслуга автора въ этомъ случаѣ тѣмъ значительнѣе, что съ трудолюбіемъ и добросовѣстностію собирателя онъ почти вездѣ умѣетъ соединить тактъ и осмотрительность критика, избирая изъ запаса матеріаловъ только существенное, и оставляя въ сторонѣ безцвѣтные вымыслы, которыхъ, къ сожалѣнію, еще не чужда наша описательная этнографія. Встрѣчающіяся въ со-

чиненіи уклоненія отъ этого правила вообще немногочисленны, и, въ сравненіи съ богатствомъ достовѣрныхъ данныхъ, должны быть признаны маловажными исключеніями.

Авторъ, ограничившись, въ своихъ объясненіяхъ, происхожденіемъ и первоначальнымъ смысломъ мифическихъ представленій, вѣрованій и обычаевъ, и оставивъ въ сторонѣ историческое ихъ значеніе, рѣшилъ такимъ образомъ только одну часть задачи, но часть новую, до него почти нетронутую. Кромѣ этой односторонности, нельзя не указать въ сочиненіи г. Афанасьева на другіе существенные недостатки: неточность основной мысли относительно происхожденія мифовъ, ея несогласіе съ многими частями изслѣдованія, слабость самостоятельныхъ лингвистическихъ разысканій автора и его нерѣдкія увлеченія. Не удовлетворяя вполне условіямъ законченнаго труда по славянской мифологіи, сочиненіе г. Афанасьева тѣмъ не менѣе можетъ служить прочнымъ основаніемъ для дальнѣйшихъ трудовъ въ этой области знанія, какъ по богатству данныхъ, изслѣдованныхъ и сообщаемыхъ авторомъ, такъ и по успѣшному рѣшенію главнаго вопроса. Въ общемъ развитіи науки о славянской мифологіи, трудъ г. Афанасьева составляетъ рѣзкій переходъ отъ отрывочныхъ, неоконченныхъ, сравнительныхъ изслѣдованій къ систематическимъ.

Въ соисканіи Уваровскихъ наградъ за *драматическія произведенія* въ настоящемъ году участвовало пять пьесъ. Разсмотрѣніе ихъ и произнесеніе надъ ними приговора было возложено Конференціею Академіи на особую Коммиссію, состоящую, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ Академиковъ: И. И. Срезневскаго, А. В. Никитенко, Я. К. Грота, В. В. Вельяминова-Зернова, П. П. Пекарскаго, В. П. Безобразова и А. Ѳ. Бычкова. Впослѣдствіи, по причинѣ отсутствія гг. Срезневскаго, Вельяминова-Зернова и Безобразова изъ Петербурга, мѣсто ихъ въ составѣ Коммиссіи занимали Академики: Н. Г. Устряловъ, М. И. Броссе и А. А. Куникъ.

Кромѣ поименованныхъ Академиковъ, въ разсмотрѣніи кон-

курсныхъ пьесъ участіе принимали и посторонніе рецензенты, къ которымъ Коммиссія, согласно съ Положеніемъ объ Уваровскихъ наградахъ, обращалась съ просьбою о доставленіи ихъ отзывовъ о нѣкоторыхъ изъ состязавшихся произведеній.

По полученіи этихъ отзывовъ, Коммиссія, имѣя ихъ въ виду, приступила къ окончательному сужденію о томъ, въ какой степени каждая изъ конкурсныхъ пьесъ удовлетворяетъ тѣмъ условіямъ, которыя учредитель Уваровскихъ премій имѣлъ въ виду при начертаніи правилъ для назначенія наградъ за драматическія произведенія. При этомъ Коммиссія убѣдилась, что хотя нѣкоторыя изъ пьесъ нынѣшняго конкурса и отличаются тѣми или другими высокими достоинствами, однако ни одна изъ нихъ не представляетъ въ себѣ той совокупности качествъ, какую учредитель наградъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ для полученія преміи. Вслѣдствіе сего Коммиссія большинствомъ голосовъ постановила, что въ нынѣшнемъ году *не можетъ быть присуждена кому либо премія за драматическое сочиненіе.*

По присужденіи Уваровскихъ наградъ, Коммиссія сочла долгомъ заявить публично свою признательность гг. постороннимъ рецензентамъ за содѣйствіе, оказанное ими Академіи доставленіемъ рецензій сочиненій, порученныхъ ихъ разсмотрѣнію, а г. Котляревскому, за разборъ сочиненія г. Аванасьева, кромѣ того назначила установленную для рецензентовъ золотую Уваровскую медаль.

Изложивъ предъ вами, милостивые государи, отчетъ о присужденіи въ нынѣшнемъ году Уваровскихъ наградъ, имѣю честь довести до вашего свѣдѣнія, что для соисканія *поощрительной* преміи графа Уварова, Академія предлагаетъ слѣдующія задачи:

ЗАДАЧИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІЕЙ НАУКЪ НА СОИСКАНІЕ ПООЩРИТЕЛЬНЫХЪ ПРЕМІЙ ГРАФА УВАРОВА.

Независимо отъ большихъ и малыхъ наградъ графа Уварова, Положеніемъ объ этихъ наградахъ установлена особая по-

ощирительная премія (500 р.) за удовлетворительное рѣшеніе задачъ, предлагаемыхъ Академіей по исторіи и древностямъ русскимъ.

На нынѣшній разъ Академія предлагаетъ слѣдующія задачи.

I.

Исторія древне-русскихъ княжествъ.

Монографіи, касающіяся исторіи древне-русскихъ княжествъ, вообще не многочисленны и не всѣ удовлетворяютъ условіямъ современной науки. Принимая это во вниманіе, Академія приглашаетъ желающихъ заняться изслѣдованіями по этому предмету. Имѣя въ виду обширность предлагаемой задачи, Академія предоставляетъ конкурентамъ—самимъ избрать себѣ предметомъ то или другое княжество и дать своему сочиненію болѣе или менѣе обширный объемъ. Хотя наша историческая литература еще нуждается въ хорошихъ сочиненіяхъ касательно исторіи княжествъ: Кіевскаго, Полоцкаго, Смоленскаго, Владимірскаго, Тверскаго и пр., однако къ конкурсу допускаются, кромѣ сочиненій объ этихъ достояніяхъ Рюриковой династіи, изслѣдованія и о литовско-русскихъ княжествахъ Гедиминовой династіи.

II.

Объ историческихъ отношеніяхъ Польскаго народа и государства къ Русскому племени.

Предметъ этотъ уже самъ по себѣ столь богатъ важными эпизодами, что, предлагая сонскателямъ Уваровской преміи заняться имъ, Академія предоставляетъ ихъ произволу избрать себѣ какой либо спеціальнѣй предметъ по этой отрасли исторической науки. Не излишне однако замѣтить, что здѣсь, подъ историческими отношеніями, разумѣются не исключительно войны и дипломатическія сношенія Польши съ Россіей, но литературныя, юридическія и церковныя дѣла, преимущественно Великаго Княжества Литовскаго, въ которыхъ отразилась борьба Польскаго и Русскаго элементовъ. Само собою разумѣется, что авторъ, раз-